1 2 4 4

МРТУ 19 № 183-65

1967 г.

9

Ю. ЯКОВЛЕВ

Помни Гришу

Художник О. Новозонов

Разрешите войти? Моя фамилия Маслов. Здравствуйте! Это большая удача, что я наконец встретил вас. Я живу в другом городе, а здесь – проездом.

От соседа по купе я узнал, что вы здесь работаете, и сошёл с поезда... Да, исключительно ради вас, если вы действительно тот, за кого я вас принимаю.

– „Вас зовут Николай Фёдорович Бурлак? Рост 176 сантиметров. Густая чёрная шевелюра. Лицо скуластое". – „Это допрос?" – „Нет. Это из материалов немецкого военного трибунала".

До войны на комсомольской работе. В сороковом году вступили в партию. Правильно? За активную подрывную деятельность против рейха были приговорены к расстрелу. И расстреляны.

Всё началось с того момента, когда подпольная боевая организация взорвала фашистские продовольственные склады.

В тот же день все члены комитета были схвачены фашистами. Все, кроме вас. Вы, вероятно, ломали голову, почему вас не трогают? Почему не ищут? 7

Фашисты искали пятерых членов комитета. И к ним в руки попались пятеро. Кто был пятым?

Совсем ещё молодой парнишка. Он попался случайно, и его могли отпустить. Но он назвался вашим именем – Николай Фёдорович Бурлак.

– Ты родился в 1916 году? В селе Колограды? Что-то ты молодо выглядишь... – Так говорил ему следователь на допросе.

А юноша отвечал: „Так у нас воздух хороший, целебный. Люди медленно стареют“.

–„Где твоя чёрная шевелюра?“ – „Как где шевелюра? Остриг! Видите, ёжик какой тёмный“.

Никто не просил юношу называться вашим именем.

И когда за охранниками захлопнулась дверь камеры, седой приземистый мужчина с рассечённой бровью грозно шепнул ему: „Кто разрешил тебе самовольничать?“

– Я не маленький, сам понимаю! Надо выиграть время.

–Ты не понимаешь, чем это пахнет! Это пахнет расстрелом. Завтра на суде всё скажешь.

Юноша, видимо, был близок к подпольщикам и понимал, что за сутки вы, Николай Фёдорович, успеете спасти от провала многих людей и сохраните организацию. Да так оно и получилось. Не правда ли?

На другой день состоялся суд. Пятерых подсудимых ввели в помещение трибунала и посадили на длинную узкую скамью.

– Николай Бурлак! – произнёс судья.

Юноша тут же поднялся.

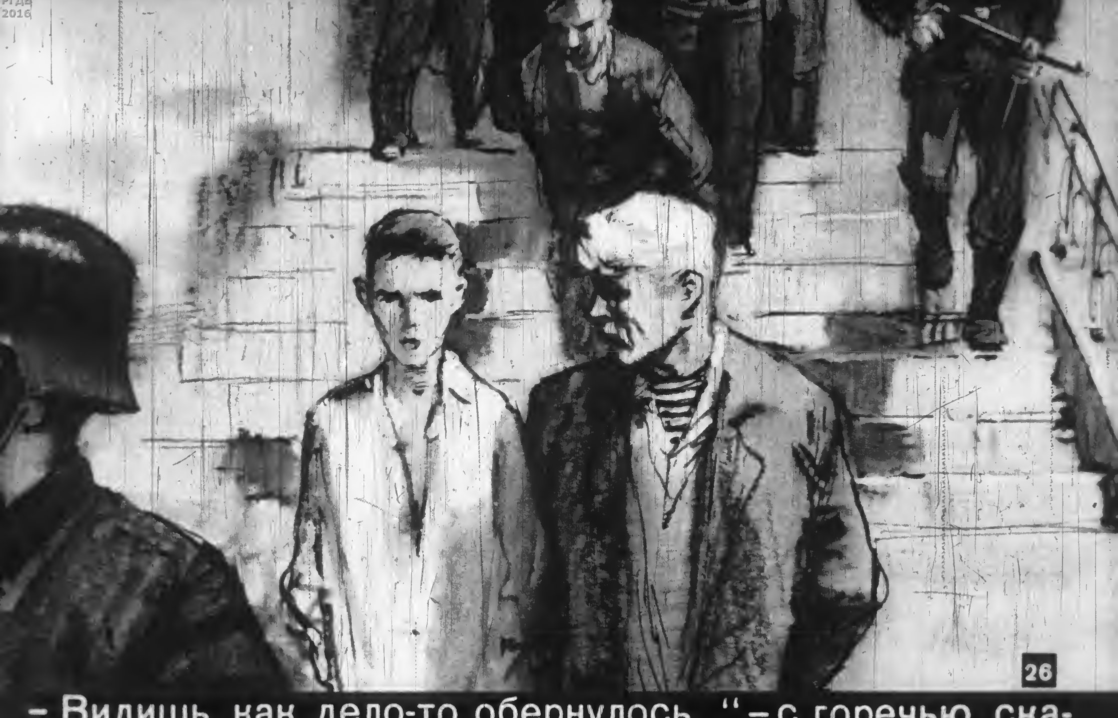
– Какой он к чёрту Бурлак! Разве вы не видите – мальчишка! – воскликнул седой человек с рассечённой бровью.

Председатель суда наклонил голову набок: „Значит, он не Бурлак?“ – „Нет“. – „Господин секретарь, чья подпись стоит под протоколом допроса?“ – „Бурлака, господин майор!“

– Вот и прекрасно – Бурлак. Вот и прекрасно.

– „Да не Бурлак он!“ – закричал седой.– „Молчать!“ – крикнул судья.

Им очень нужно было, чтобы на скамье подсудимых сидело пять человек – пять членов комитета. Пять. Эта кругленькая цифра нужна была фашистам для повышения по службе, для авторитета.



–„Видишь, как дело-то обернулось...“ – с горечью сказал человек с рассечённой бровью. – „Так надо“, – ответил юноша.

–Кто-то должен... чтобы остальные жили. 27

28

Когда членов подпольного комитета вели на расстрел, седой замедлил шаг и жестом подозвал переводчика.

– Послушай, если у тебя сохранилась хоть капля совести, расскажи людям, что этого парня, добровольца, звали Гришей Мезиным. Пусть помнят Гришу!

Их расстреляли. И Гришу тоже. И в ту же ночь взлетела на воздух электростанция,

взорвался эшелон со снарядами,

рухнула на землю водонапорная башня.

Это был ваш салют погибшим товарищам.

Откуда мне известны подробности? Я был переводчиком у немцев... Нет, Николай Фёдорович, не по своей воле, по заданию командования.

Конец

Редактор Г. Калашникова
Художественный редактор А. Морозов

Д-437-66

Студия „Диафильм", 1966 г.
Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7
Чёрно-белый О-20